

Н.Е. ТРОПКИНА
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
Л.М. МЕДВЕДЕВОЙ «БОЛЕЗНЬ
В КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРА
БОЛЕЗНИ» (Волгоград: Изд-во
ВолгГМУ, 2013. 252 с.)**

В 2013 г. вышла в свет монография кандидата философских наук, доцента кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета Ларисы Михайловны Медведевой «Болезнь в культуре и культура болезни». Актуальность представленной научной работы подтверждается интеграцией между медициной и обществом на современном этапе, необходимостью усиления в медицине гуманистического начала. Монография обосновывает новый подход к феномену болезни, и автор справедливо указывает на необходимость использования новых методов для преодоления медицинской односторонности в понимании болезни, и формирование таких методов возможно только с учетом философско-культурологических, историко-медицинских и искусствоведческих источников. Подобный подход представляется новаторским и продуктивным по своим результатам.

Монография Л.М. Медведевой четко структурирована, состоит из двух глав: «Болезнь в культуре» и «Культура болезни». В первой главе автор рассматривает вопросы представления болезни в структуре гуманитарного дискурса, где, на наш взгляд, наиболее удачным является раздел, посвященный лингвистике и литературоведению. «Лингвистический угол зрения», как и литературоведческий, оказывается весьма плодотворным при анализе феномена болезни, что подтверждается активным использованием таких «гибридных» терминов, как *медицинские метафоры*, *медицинская мифология*, *медицинский терминологизм* и, наконец, *медицинское литературоведение*. Эта тема имеет выраженную тенденцию к продолжению исследования, возможно, в качестве отдельной работы.

В главе «Болезнь в культуре» история человеческих недугов и отношение к ним пред-

ставлены через призму исторических событий и разнообразных художественных образов как особое культурно-историческое явление. Интерес представляет анализ визуального изображения болезни как одного из способов ее концептуализации (в том числе в современной культуре) профессионалами от медицины, представителями искусства и, наконец, самими пациентами. Визуализация пациентами собственной болезни является новым явлением, обусловленным, с одной стороны, многочисленными возможностями информационной цивилизации, а с другой – изменением позиции пациента по отношению к своему здоровью, желанием и возможностью принимать активное участие в лечении болезни.

Вторая глава монографии – «Культура болезни» – в большей степени посвящена культурологическим аспектам рассматриваемой проблемы, ее основные темы: интеллектуально-профессиональная рефлексия болезни, представления о болезни в обыденном сознании, этнокультурные паттерны здоровья и болезни, опыт болезни, культурные стереотипы медиализации. Автор демонстрирует знакомство с широким кругом специальной литературы по заявленной проблематике. Корректно произведен анализ разноплановых источников. Мемуары, дневники, литературные произведения как материал для научного исследования и обобщений привлечены масштабно и результативно.

Каждый из рассмотренных аспектов по своему интересен, однако наиболее актуальным нам представляется раздел, посвященный медиализации. Сегодня часто высказывают мнение о возможной социальной опасности как результате медицинской деятельности за счет увеличения ее рекомендаций и назначений. Автор представляет сбалансированный анализ последствий медиализации, обращая внимание на ее позитивное (относительное повышение уровня медицинской культуры, культуры здоровья, внимание к собственному здоровью и т.п.) и негативное (обращение к советам непрофессионалов, расширение масштабов самолечения, использование медицинскими работниками своего служебного положения для получения материальной выгоды и т.п.) влияние. Кроме того, рассматри-

вается воздействие процессов медиализации как на пациентов, так и на представителей медицинского сообщества, при этом отмечают некоторые профессиональные деформации последних.

В целом рецензируемая монография Л.М. Медведевой рассматривает болезнь комплексно как социально-культурный феномен, что, на наш взгляд, позволяет создать максимально многостороннюю картину болезни и благодаря этому внести вклад в практическую медицину.

Монография гармонично сбалансирована по подаче материала, производит впечатление законченного исследования. Автор применила оригинальный метод использования иллюстративного материала в качестве вставок в основной текст, что делает его занимательным, не влияя на значимость выводов. Книга будет полезна как специалистам-гуманитариям, так и практикующим врачам, а также всем, интересующимся проблемами здоровья и болезни.

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДАРГИНСКОЙ ТОПОНИМИИ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.Р. БАГОМЕДОВА «ТОПОНИМИЯ ДАРГА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ» (Махачкала: Изд-во ДагГУ, 2013. 347 с.))

Российская топонимия включает в себя названия географических объектов всех регионов страны, которых ныне, после присоединения Крыма, стало 85. Важно также учитывать, что некоторые субъекты РФ имеют многонациональный состав, что увеличивает их топонимикон, делает его полилингвальным и более сложным с точки зрения этимологии наименований и их реального функционирования в коммуникации. Самым многоязычным субъектом России является Республика Дагестан, государственными языками которой в конституции региона, помимо русского, признаны языки народов Дагестана, но без указания, какие именно. Их всего более трех десятков, однако еще в советское время было установле-

но, что в Дагестане 14 титульных наций. На гербе республики изображен орел с 14 перьями, по семь на каждом крыле, они символизируют эти народы. К ним относятся аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасараны, чеченцы-аккинцы, агулы, рутульцы, цахуры (нахско-дагестанская языковая семья), кумыки, азербайджанцы, ногайцы (тюркская группа алтайской языковой семьи), русские (славянская группа индоевропейской языковой семьи), таты (иранская группа индоевропейской языковой семьи). Каждый из этих народов (а также 18 остальных) вносит свой вклад в топонимию Дагестана, делая ее уникальной, но одновременно и сложной для анализа.

Известный дагестанский ономастолог М.Р. Багомедов (его первые статьи по проблемам топонимики появились еще в начале 1990-х гг.) в своей монографии обратился к вопросам происхождения и функционирования даргинских топонимов. Даргинцы в настоящее время насчитывают около полумиллиона человек, они составляют 17% населения республики, занимая второе место по численности среди дагестанских титульных народов. Около 100 тыс. даргинцев проживают за пределами Дагестана, в основном в прилегающих к республике регионах России (половина из них в Ставропольском крае), а также в Киргизии, Турции, Сирии.

Даргинцы в основном проживают в сельской местности (около 68%), территория их традиционного расселения – горные и предгорные регионы среднего Дагестана. В Акушинском, Дахадаевском, Кайтагском, Левашинском и Сергокалинском районах даргинцы составляют от 75 до 100% населения. Исследователь называет эти территории хоронимом *Дарга* (с. 5) (автор почему-то не склоняет этот хороним, оставим и мы его в таком, несколько странном для русской морфологии виде). Кроме того, даргинцы составляют 65% населения города Избербаша (всего в нем проживает более 56 тыс. чел.). Известным своими златокузнецами является посёлок городского типа Кубачи в Дахадаевском районе, где проживает 3053 чел. (2014 г.) [3], жители которого *кубачинцы* переписью 1926 г. были выделены как самостоятельный народ [5, с. 212], ныне же они отмечаются как субэтнос даргинцев.

Книга М.Р. Багомедова начинается теоретической главой, в которой рассматриваются место ономастики в системе гуманитарных